Дэниел Скарборо

Московская епархиальная революция

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-104-126

Daniel Scarborough

Moscow's Diocesan Revolution

Daniel Scarborough — School of Humanities and Social Sciences, Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan). daniel.scarborough@nu.edu.kz

In the months after the February Revolution, the Church was convulsed by a general revolt against ecclesiastical authority. The Church survived this revolt, and organized an "All-Russian Council (Sobor)" from September of 1917 until August of 1918, which re-established the Patriarchate of Moscow and negotiated a reform of the Church's authority structure. The ultimate success of the reform process depended on the ability of the Church's various communities to forge a compromise in the midst of a political and ecclesiastical revolution. This article traces the development of that compromise through the discourse of canon law.

Keywords: Orthodox Church, Revolution, Canon Law, Diocesan Congress.

Многие православные христиане рассматривали Февральскую революцию как возможность разрешить накопившиеся при царском режиме проблемы. Епископат стремился к административной независимости от светской бюрократии. Приходское духовенство сопротивлялось почти абсолютной власти, которую имели в своих епархиях правящие архиереи. Миряне были недовольны финансовыми тяготами, которые на них ложились ради содержания духовенства. В первые месяцы после Февральской революции церковь переживала серьезные потрясения. Для решения стоящих перед церковью проблем был созван Всероссийский собор, работа которого продолжалась с сентября 1917-го по август 1918 г. Собор восстановил патриаршество и провел реформу церковного управления. Об-

Скарборо Д. Московская епархиальная революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 104–126.

Scarborough, Daniel (2019) "Moscow's Diocesan Revolution", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 104–126.

щий успех процесса реформ зависел от возможности различных церковных сообществ сплотиться и найти компромисс в ситуации политических и духовных трансформаций. Данная статья отражает поиск такого компромисса в рамках канонического права.

Православное каноническое право регулирует многие стороны церковной жизни, включая брак, участие в таинствах, дисциплинарные вопросы и структуру церковного управления. Главными источниками канонического права являются Новый Завет, Апостольские правила, канонические постановления Вселенских соборов и авторитетные мнения отцов церкви. На основе этого материала каноническое право было впервые оформлено в IX в. в «Номоканоне» Патриарха Фотия[1], который представлял собой собрание церковных и гражданских правовых норм Византии. «Номоканон» был переведен на славянский язык, получив название «Кормчая книга», которая в XI–XIII вв. имела хождение на Руси в разных редакциях[2]. Этот средневековый сборник никогда не подвергался переработке для использования в России, поэтому многие вопросы, не охваченные «Кормчей», решались царской администрацией. Духовная власть оперировала пересекающимися между собой и размытыми формулировками государственных указов, резолюций Св. Синода и канонического права. Эта система не давала достаточно четкого определения границ власти епископа в своей епархии[3]. Ограничения полномочий церковной иерархии со стороны светской власти потребовали разъяснения и пересмотра норм канонического права. Так, например, практика перемещения епископов из одной епархии в другую как формы наказания, получившая довольно широкое распространение при Николае I, особенно часто вызывала критику как не соответствующая канонам[4].

В середине XIX в. изучение канонического права в России находилось на самой начальной стадии и испытывало сильное

1. Kenworthy, S. (2004) “Canon Law”, in B.F. Adams (ed.) *The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet, and Eurasian History,* Vol. 5, pp. 91–96. Gulf Breeze, FL: Academic International Press.
2. *Белякова Е.В, Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.: Центр гуманитарных инициатив. 2017. С. 92–106.
3. Freeze, G. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*, p. 72. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
4. Freeze, G. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*, p. 27. Princeton: Princeton University Press.

влияние ведущейся в то время полемики по вопросам церковной реформы[5]. В некоторых трактатах первых русских канонистов звучали призывы покончить с единовластием епископата. Многие специалисты по каноническому праву полагали, что в церковную администрацию должно быть внесено выборное начало, чтобы все православное сообщество могло принимать участие в управлении церковью через избранных представителей. Например, профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский считал, что безграничная власть епископов в своих епархиях неканонична, и предлагал, «чтобы состоящие при епископах члены коллегий, именуемых у нас теперь консисториями, имели голоса не совещательные только, как это ныне, а совершенно такие же решающие, как и голоса самих епископов»[6].

Еще один пример. В 1894 г. Николай Заозерский опубликовал свою докторскую диссертацию, которую защитил в Московской духовной академии и в которой, опираясь на принцип иерархичности, отстаивал мнение о том, что епископы являлись приемниками апостолов «высшаго их авторитета на земле и нет для верующих»[7]. При этом, однако, он также полагал, что православное каноническое право позволяет мирянам принимать участие в делах церковной администрации, чтобы облегчить бремя ответственности, лежащей на носителях столь великой власти[8]. Заозерский выступал за преобразование апостольской власти по образу древней церкви, когда епископ избирался паствой и поддерживал тесный контакт с ней: «Каждый акт приложения церковноправительственной власти совершался епископом публично при ближайшем участи всей его паствы, и сам епископ рассматривался не только как церковный начальник и пастырь общины христианский, но и как ее представитель — ее излюбленное и избранное лицо»[9]. Другие ученые полагали, что апостольская власть может быть ограничена только вышестоящими церковными инстанция-

5. Basil, J.D. (2005) *Church and State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861-1914)*, pp. 35–36. Minneapolis: University of Minnesota.

6. *Савва (Тутунов), игумен*. Епархиальные реформы: Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. М.: «Наука», 2011. С. 81.

7. *Заозерский Н.А*. О церковной власти: Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894. С. 4.

8. Там же. С. ix.

9. Там же. С. xi–xii.

ми. Эта каноническая дискуссия стала основой для обсуждения соответствующих вопросов, в которое были вовлечены разные церковные группы в 1917 г.

Стремление к демократизации церковного управления нарастало в течение предыдущего XIX в. вместе с усилением роли приходского духовенства в церковной жизни. Со времен Великих реформ приходское духовенство принимало участие в развитии сети добровольных объединений с целью поддержки образования и снижения бедности в епархиях. В 1864 г. впервые в новом семинарском уставе были обозначены епархиальные съезды — собрания избранных представителей каждого благочиния, на которых избирались представители духовенства для участия в работе епархиальных семинарий. Никакая другая функция в тексте устава не упоминалась, но функции этих съездов постепенно, в течение последующих десятилетий и иногда неофициально, умножались и стали включать координацию финансового обеспечения духовных учреждений и мероприятия, направленные на помощь бедным. На епархиальных съездах обсуждались вопросы взаимной помощи и благотворительные инициативы, о чем сообщалось в церковной печати[10].

К началу XX в. многие епископы рассматривали епархиальные съезды как инструмент повышения эффективности церковного управления. Например, в 1906 г. митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в своем отзыве по вопросам церковной реформы (в ответ на просьбу Победоносцева, обращенную ко всем епархиальным архиереям) выступал за большую свободу и полномочия епархиальных съездов: «Что касается существа дел, подлежащих ведению съездов, то желательно расширить круг этих дел, не ограничивая его только одними хозяйственными и экономическими вопросами, но простирая заботу их на все пастырское делание»[11]. Однако другие епископы видели в съездах угрозу для своей власти. Приходское духовенство Вятской епархии пришло в такое негодование из-за постоянного давления на съезд со стороны местного епископа, что в 1907 г. отправило делегацию в Санкт-Петербург для того, чтобы подать петицию в Св. Синод,

10. Соображения о возможном расширении и оживлении деятельности эмеритальной кассы духовенства Московской епархии // Московские церковные ведомости. 1905. № 16 (17 апреля). С. 192–193.

11. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х т. Ч. 2. М.: Общество любителей церковной истории, 2004. С. 394.

отстаивая свое право противостоять решению епископа[12]. Даже не будучи успешным, это движение отражало растущее осознание приходским духовенством того, что их представительские институты являются неотъемлемой частью церковной жизни. Общее недовольство епископским абсолютизмом достигло кульминации в 1917 г. и первоначально не предполагало достижения какого-либо компромисса или опоры на нормы канонического права.

Весной и летом 1917 г. епархиальные съезды духовенства и мирян для обсуждения церковных реформ состоялись во всех 67 епархиях бывшей Российской империи. 15 из них низложили своих епископов[13]. В это время на приходском уровне царил хаос, миряне изгоняли своих священников, а некоторые выступали против духовенства как агентов старого режима[14]. Другие просто использовали возможность захватить приходские земли[15]. В некоторых случаях прихожане смещали избранных церковных старост в надежде захватить церковные деньги, которые были им доверены[16]. Этот хаос создавал напряженность среди православных, особенно священников, которые, несмотря на желание перемен, боялись разрушения церкви. Как отметил один из депутатов епархиального съезда в Твери, «голосуя за удаление с кафедры своего Архипастыря, духовенство само рубит тот сук, на котором сидит. После этого мирянин, возвратясь со съезда домой, примкнет к нему и псаломщик, станут явно голосить: «мы свергли Епископа, Архиерея, а с тобой, попом — и подавно справимся»»[17]. Епархиальные съезды, организуемые и возглавляемые приходским духовенством, начали выступать не только за реформы,

12. *Беляев В., Викторов А., Мансуров М.* Епархиальные съезды. Сборник действующих законоположений об епархиальных съездах. СПб., «Берег», 1908. С. 27.

13. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года: Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб.: «Лики России», 2008. С. 139.

14. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 122. Стол 5. Отд. 1. По телеграмме уполномоченных сельского схода с. Мечиславский Балтского уезда об удалении Священника Мельницкого и псаломщика Марченко и назначении новых.

15. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 133. Стол 5. Отд. 1. По прошению прихожан церкви села Кузькина, об удалении из их прихода Священника Леонида Малиновскаго.

16. В докладе обер-прокурору от 10 мая 1917 г. описываются два подобных случая. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 202. Стол 5. Отд. 1. О самовольном удалении прихожанами церковных старост Спасской церкви с. Хохла, Нижнедевицкаго уезда.

17. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 154. Стол 5. Отд. 1 Л. 16. По поводу постановления Тверского епархиального съезда об удалении архиепископа Серафима.

но и за «каноничность», за нерушимость церкви как института, жизнь которого регламентируется каноническим правом.

Исследования, посвященные церковной революции лета 1917 г., немногочисленны[18]. Наиболее полным является монография Павла Рогозного «Церковная революция 1917 года». В заключение своего исследования автор пишет о том, что церковь вышла из кризиса как «единственно официальная организация старой России, которая институционно не развалилась после революции 1917 года»[19]. Рогозный делает акцент на солидарности епископата как важном факторе сохранения церкви как института[20]. И все же приходское духовенство и его движение по демократизации через епархиальные съезды также было важным фактором стабильности во время церковной революции. Несмотря на все усилия по реформированию структуры духовной власти, приходское духовенство зависело от церкви как целого, без которой ему было бы невозможно сохранить свой статус рукоположенных пастырей. Таким образом, большинство приходского духовенства, которое в 1917 г. организовывало епархиальные съезды и руководило их работой, не выступало за откровенное нарушение норм канонического права. Более того, на епархиальных съездах были сделаны беспрецедентные уступки мирянам. Протоколы съездов содержат решения о передаче контроля над епархиальными средствами, включая недвижимость семинарий, приходскую землю и фонды взаимопомощи, от приходского духовенства — прихожанам[21]. Эти резолюции имели целью покончить с сословной замкнутостью духовенства и включить верующих мирян в церковно-административную структуру. Такая стратегия церковных реформ в рамках канонического права характерна для московских революционных съездов лета 1917 г.

В этой статье речь идет о пике «церковной революции» в Московской епархии. Московский епархиальный съезд в марте 1917 г.

18. О епархиальных съездах в Тобольске и Нижнем Новгороде, см.: Evtuhov, C. (2014) "The Church's Revolutionary Moment: Diocesan Congresses and Grassroots Politics in 1917", in M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale (eds) *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922,* Book 1: *Popular Culture, the Arts, and Institutions*, pp. 377–402. Bloomington, IN: Slavica Publishers. См. также: *Леонтьев П.Я.* Революция в церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // Церковь в истории России 2. М., 1998. С. 214–248.

19. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 215.

20. Там же. С. 214.

21. См., например, протоколы Тверского епархиального съезда в мае 1917 г.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 154. Ст. 1. Отд. 1. Л. 73а — l.74а.

был одним из тех пятнадцати, которые изгнали своих архиереев. Эта епархия и ее лидеры стали центром церковной реформы в национальном масштабе. В Москве прошел Всероссийский съезд духовенства и мирян — общенациональное собрание представителей епархиальных съездов со всей бывшей империи. Участники этого собрания призывали к демократизации церковного управления, но также — к сохранению канонической структуры. Последний Московский епархиальный съезд в июне 1917 г. избрал своим правящим епископом Тихона (Беллавина). В истории Русской православной церкви это были первые народные выборы архиерея. Тихон представлялся умеренным кандидатом, приемлемым как для белого приходского духовенства, так и для монашествующей иерархии, и его выборы прошли в рамках канонического права. Всероссийский церковный собор начал свою работу сразу после этого съезда в том же епархиальном доме и, восстановив патриаршество, избрал Тихона уже на патриарший престол. Московская епархиальная революция остается как бы в тени собора, однако на его работу она оказала существенное влияние. На первый взгляд радикальные, лидеры этой епархиальной революции были в Российской православной церкви того времени важной стабилизирующей силой.

Первый Московский епархиальный съезд в 1917 г. получил одобрение со стороны общественности за его решение отправить в отставку непопулярного митрополита Макария (Невского). Было широко распространено мнение, что в 1912 г. Макарий был назначен на Московскую кафедру при участии Распутина. Съезд принял решение уволить митрополита 13 марта. В то время как небольшая группа консервативных священников (среди них о. Иоанн Восторгов) громко выражали свой протест, подавляющее большинство участников съезда проголосовали за смещение митрополита[22]. Так называемое «Объединенное духовенство» объявило об этом решении в печатном памфлете: «Митрополит Макарий, этот благочестивый и благоговейный пастырь, апостол Алтаря и известный миссионер, но «ветхий днями» старец, положительно не в состоянии быть тем руководителем и вождем, каким должен быть теперь каждый архипастырь»[23]. Съезд получил

22. *Бабкин М.А.* Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Вып. 2. М.: «Инарк», 2008. С. 482–483.

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 72. Стол. 5. Отд. 1. Л. 9. Об увольнении Митрополита Московскаго Макария на покой.

политическую поддержку в лице Владимира Львова — реформиста, обер-прокурора Св. Синода при Временном правительстве (с февраля по август 1917 г.). Когда Львов поднял вопрос об отставке Макария в Синоде, архиереи сначала выступили против, расценивая его предложение как подрыв епископского авторитета[24]. Но в конце концов архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) предложил Макарию последовать примеру свят. Григория Богослова и удалиться на покой ради церкви, а другие члены Синода поддержали это предложение[25]. Синод принял отставку Макария 20 марта и назначил епископа Иоасафа (Каллистова) временным управляющим Московской епархией[26]. Однако после возвращения в епархию Макарий вознегодовал, узнав, что миряне и духовенство собрались без его благословения и для его удаления. На основании Апостольских правил 39 и 55, канонов IV Вселенского собора и Двукратного собора, защищающих власть епископа, Макарий наложил запрещение на всех священников, которые прекратят его поминовение за богослужением[27]. По распоряжению Львова Московская консистория сразу отменила этот указ — на том основании, что Макарий уже оставил должность[28]. Однако Макарий отозвал свою отставку и удалился в Сергиев Посад, чтобы оттуда вести борьбу за епархию.

Макарий выступил с серией нападок на епархиальных революционеров. Он поставил под сомнение съезд как репрезентативный для епархии орган: «На собраниях участвуют учащиеся, солдаты, рабочие и лица женского пола. На их собраниях порицаются действия преосвященных, благочинных, присутствующие громко бьют в ладоши, кричат и смеются. Это не собрание в строгом смысле, а скорее, как говорит правило, скопище»[29]. Но без поддержки общественности единственным оружием Макария было каноническое право. В своих обвинениях он использовал длинные цитаты из Апостольских правил, постановлений Вселенских соборов и сочинений отцов церкви. Макарий заявил,

24. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. С. 65.

25. *Голубцов С., протодиакон.* Московское духовенство в преддверии и начале гонении, 1917–1922. М.: Изд-во Православного братства Споручницы грешных, 1999. С. 33.

26. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 72. Стол. 5. Отд. 1. Л. 1 — Л.О. 2.

27. Там же. Л. 6.

28. *Голубцов С.* Московское духовенство. С. 32–33.

29. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 72. Стол. 5. Отд. 1. Л. 11.

что политика Львова, направленная на привлечение мирян к церковному управлению, и одобрение им выборов епископов епархиальными съездами не соответствуют каноническому праву[30]. Он также обвинил Львова в том, что тот угрожал ему заключением в Петропавловскую крепость при отказе уйти в отставку, и заявил, что отставка под давлением противоречит каноническому праву: «Признавая свой выход на покой временным… я приемлю решимость просить Св. Синод не назначать на Московскую Кафедру управляющего архиерея с титулом Митрополита Московского, оставивши таковой за мною, на основании канонов (пр. 16 Двукратн. Соб.), как законно поставленным и под давлением толпы и внешней силы ушедшим на покой»[31].

Канонические аргументы Макария имели некоторый успех. Его избранный преемник получил титул «Архиепископа Московского», и только позднее собор повысил его статус до «Митрополита». И все же возражения Макария против привлечения приходского духовенства и мирян к церковному управлению противоречили общему требованию демократизации церкви, а также уже принятому решению о его удалении на покой.

Московские епархиальные лидеры также обратились к каноническому праву. Протоиерей Николай Цветков, председатель организации объединенного духовенства Москвы, публично охарактеризовал обер-прокурора Львова как «сторонника ее [церкви] раскрепощения и процветания на канонических свободных началах»[32]. Термин «каноническая свобода» был использован и «группой 32-х петербургских священников» — ассоциацией приходского духовенства, которая сразу после Кровавого воскресенья 1905 г. опубликовала первый публичный призыв провести Всероссийский церковный собор[33]. «Каноническая свобода» означала реконфигурацию существующей структуры духовной власти для получения приходским духовенством большей автономии от «епископского абсолютизма». Говоря точнее, для Цветкова и московского духовенства это означало право епархиального сообщества выбирать своего митрополита. Первый пункт получил одобрение 5 мая определением Синода № 2668 «О привлечении

30. Там же. Л.О. 6.

31. Там же. Л.О. 7 — Л. 8.

32. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 72. Стол. 5. Отд. 1. Л. 9.

33. Hedda, J. (2008) *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*, pp. 154–160. DeKalb: Northern Illinois University Press.

духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении», в котором признавалось право духовенства созывать собрания на всех уровнях епархии без разрешения епископа и без ограничении тематики дискуссии[34]. Также 5 мая достижением для московского духовенства стало определение, включавшее «общие правила об избрании епархиальных епископов»[35].

Однако московские церковные лидеры не ждали одобрения и провели свой второй съезд 21 марта 1917 г. Протоиерей Николай Боголюбов тогда выступил с мнением, что съезд не должен ждать разрешения Синода на избрание нового митрополита, но, наоборот, должен выработать порядок такого избрания как пример для других епархий. По предложению профессора канонического права Ильи Громогласова участники съезда решили просить «благословения», а не «разрешения» Синода[36]. Затем они избрали специальный комитет из сорока шести представителей духовенства и мирян для разработки правил и процедуры голосования[37]. Было решено провести общенациональный съезд, на котором представители всех епархиальных съездов со всей России могли бы обсуждать церковные реформы независимо от иерархии. Такой съезд состоялся 1–9 июня 1917 г. В нем участвовало 1268 делегатов: от каждый сотни церквей — по одному священнослужителю и одному прихожанину, от каждой епархии — по одному монашествующему и одному представителю семинарии[38]. Съезд привлек на свою сторону лидеров епархиального движение из приходского духовенства и представителей православной интеллигенции.

Всероссийский съезд духовенства и мирян, прошедщий с 1-го по 12-го июня 1917 года, стал высшей точкой церковной революции. Прозвучавшие на нем речи и принятые им решения наилучшим образом отражают цели этой революции, первая из которых — заручиться поддержкой мирян. Прот. Н. Цветков был

34. Из определения Св. Синода № 2668 «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении» — *Бабкин М.А.* Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. С. 47–48.

35. «Общие правила об избрании епархиальных епископов». *Савва (Тутунов).* Епархиальные Реформы. С. 398–400.

36. *Савва (Тутунов).* Епархиальные реформы. С. 258.

37. *Голубцов С.* Московское духовенство. С. 34.

38. Там же. Л. 9.

главным организатором и председателем съезда[39]. Он выразил свое видение реформы церкви, вспоминая о съезде, прошедшем в марте: «Понимая, что только «в единении — сила», они обратились с братским призывом к пастырям и мирянам оставить свои сословные интересы, забыть о своих корпоративных нуждах и искренно протянуть друг другу руки для совместной и духовной работы на благо родины и Церкви»[40]. Эта идея религиозного и социального объединения духовенства и мирян была поддержана многими делегатами. Боголюбский начал работу первой сессии съезда с речи о единении: «Да будут все едины; *как Мы, Отче, едины с тобою* (Иоан. 17, 21)... Всякое уклонение от этой силы было уклонением от подлинного лика Церкви Христовой»[41]. Один петроградский священник заявил, что «раньше Церковь рассекали на части, удалили совсем из нее народ. Она почти и не жила, как не может жить голова без тела... Теперь Церковь в полном своем составе из клира и мирян стоит перед Христом»[42]. Чтобы воплотить эту идею преодоления сословных рамок, делегаты пошли на уступку мирянам, которой духовенство давно сопротивлялось. Александр Папков, давний активист, выступавший за обновление прихода[43], на восьмой день съезда заявил, что приход станет юридическим лицом с правом владения всем церковным имуществом[44], куда будет входить приходская земля, которая материально обеспечивала сельское духовенство. Со времен Великих реформ православное духовенство не спешило передавать контроль над приходскими ресурсами в руки прихожан, опасаясь, что они будут использованы на местные нужды. Тем не менее, в 1917 г. приходское духовенство надеялось заручиться поддержкой прихожан, признав их партнерами в делах епархиального управления.

12 июня 1917 г. депутаты постановили, что «вся земля и вода в нашей стране должны принадлежать тем, кто работают на них». Единственное условие для мирян заключалось в том, чтобы они

39. Там же. Л. 9.

40. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 72. Стол. 5. Отд. 1. Л. 9.

41. Всероссийский съезд духовенства и мирян // Московский церковный голос. 1917. № 12–13 (14 июня). С. 2.

42. Там же. С. 3.

43. О карьере Папкова, см.: Shevzov, V. (2004) *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*, pp. 35–45. Oxford: Oxford University Press.

44. Всероссийский съезд духовенства и мирян. С. 10.

не захватывали землю до ее законного распределения Учредительным собранием[45]. Единственной мерой для сохранения материальной базы пастырства было создание «Все-Российского Союза Духовенства» для взаимопомощи и защиты интересов приходского духовенства. Делегаты рассуждали о том, что этот союз будет «профессиональным», избегая называть его «братским», чтобы не акцентировать социальные различия между духовенством и мирянами[46]. Представители епархий со всей России решили перестать воспринимать духовенство как отдельное социальное сословие.

Эти радикальные меры имели целью вдохнуть новую жизнь в церковь как сообщество. Революционно настроенные церковные лидеры лелеяли надежду на то, что посредством сотрудничества духовенства и мирян можно уладить все противоречия, возникшие и в церкви, и в обществе в целом. Делегаты съезда постановили, что выборные советы духовенства и мирян должны быть сформированы на всех епархиальных уровнях[47]. Также была учреждена постоянная организация «Все-Российский Союз Православного Духовенства и Мирян» для координации работы епархиальных съездов, ведения диалога с епископатом и созыва всероссийских съездов в будущем.

Объявляя о создании этой организации, радикальный церковный интеллектуал Борис Титлинов говорил, что «выдвигается нужда в более тесном единении духовенства и мирян. Задачи его — поддержка Правосл[авной] Церкви, укрепление Ее в общественной жизни современного русского государства. Наш народ очень религиозен; и только разобщенность его производила впечатление безжизненности самой Церкви»[48]. Князь Евгений Трубецкой даже предположил, что обновленная церковь сможет усмирить «классовую рознь» и «грубый материализм»: «Патриотизм угас. Национального подъема незаметно. И задача Церкви пробудить его. Вдохнуть в общественный организм жизнь высшую, идейную»[49]. Новый союз между духовенством и мирянами должен был наладить нарушенные социальные связи посредством

45. Декларация всероссийского съезда православного духовенства и мирян — *Бабкин М.А.* Российское духовенство. С. 186.

46. Всероссийский съезд духовенства и мирян. С. 6–7.

47. *Савва (Тутунов).* Епархиальные Реформы. С. 267.

48. Всероссийский съезд духовенства и мирян. С. 6.

49. Там же. С. 4.

социальной работы, которая велась приходским духовенством в предыдущие годы. Один делегат из Чернигова говорил, что «от слов нужно Церкви и Ее служителям перейти к делу... Бедные забыты; они гниют в своих подвалах, не видя братского участия к себе со стороны более счастливых. Отцы духовные, будьте вы братолюбивы! Будьте нашими милосердыми самарянами, по притче Христа! И за вами пойдут другие»[50]. И все же некоторые делегаты выражали сомнение в том, что одно только общественное движение может решить все церковные проблемы. Сергей Булгаков рассуждал о том, что, несмотря на демократизацию церкви, «демократия» может стать идолом для православных, точно так же, как и самодержавие: «Троица демократии земной (Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов), как некогда и деспотизм римских царей, никогда не сможет заменит нам Троицу небесную»[51]. Другие депутаты выражали опасение, что попытка организации демократического союза духовенства и мирян может подорвать апостольский авторитет церкви.

Всероссийский съезд духовенства и мирян напоминал «Союз Союзов» 1905 г. Тогда это было первое свободное собрание представителей церковной общественности на общенациональном уровне. Таким образом, съезд имел политический характер, и многие его организаторы желали исключить епископат из этого революционного процесса. Однако такие антиепископальные настроения вызвали протест со стороны многих участников самого съезда. Не было полного согласия с заявлением Цветкова о том, что председателем съезда должно быть лицо в пресвитерском сане, а не епископ, поскольку, по его мнению, такая работа слишком трудоемка для занятого иерарха. Цветков был избран председателем, но делегаты жаловались, что их свобода голосования была ограничена[52].

Всего на съезде появились семь епископов. Протоиерей Николай Любимов, представитель приходского духовенства в Синоде, жаловался, что «не может быть полного единения между членами Церкви Христа на этом одностороннем съезде, потому как епископат здесь почти полностью отсутствует»[53]. Кроме главно-

50. Там же. С. 5.

51. Там же. С. 4

52. *Голубцов С.* Московское духовенство. С. 22.

53. См.: Kosar, G.T. (2003) *Russian Orthodoxy in Crisis and Revolution: The Church Council of 1917–1918*, p. 27. PhD Diss. Brandeis University.

го возражения — о недостаточном присутствии монашествующей иерархии, некоторые делегаты также говорили о том, что выступление против епископата может ослабить церковь как единую систему. Например, группа делегатов опротестовала создание «Всероссийского союза православного духовенства и мирян» на том основании, что «создавать подобную организацию значит наряду с Церковью ставить другую Церковь»[54].

Архиепископ Платон (Рождественский), экзарх Грузии, в своей речи перед делегатами говорил об опасениях епископата, касающихся самого съезда. Обращаясь к съезду от имени Синода, он выразил неожиданное уважение к епархиальному движению:

> Все епархиальные съезды последнего времени очень жизненны. Широта взглядов, глубина мыслей и сила чувств — вот отличительные черты свободной Русской Церкви. Если же и были какие-нибудь крайности и увлечения по местам, то они отнюдь не становились поперек того пути, какой начерчен жизнью, пути от Христа к народу, и от народа ко Христу.

Он также признал, что «от революции политической мы идем к революции церковной». Однако, не указывая прямо на противостояние приходского духовенства и церковной иерархии, Платон предупреждал, что разъединенная церковь не выживет в ситуации политической нестабильности: «Будем верить, что Церковь сплоченная и сорганизованная сумеет жить и без государства. Сомкнитесь же вы, делегаты нашей Правосл[авной] Рус[ской] Церкви! Укрепите свою церковную позицию! Докажите, что вы можете жить не только в разъединении, но и в одной общей высоко-нравственной организации!»[55]. Дипломатичность Платона свидетельствовала о том, что Синод был впечатлен съездом как проявлением сплоченности приходского духовенства и церковной интеллигенции. И все же он выразил опасения многих участников съезда, что, ослабив авторитет иерархии, церковная революция подорвет среди населения уважение к самой церкви.

Московский организационный комитет продолжал подготовку к избранию нового митрополита. Его члены действовали с большей осторожностью — по сравнению с первым епархиальным съездом, который сместил Макария. Было составлено подробное

54. Всероссийский съезд духовенства и мирян. С. 7.

55. Всероссийский съезд духовенства и мирян. С. 2.

каноническое обоснование такого избрания, которое представили Синоду для утверждения[56]. Например, цитировалась первая глава Книги Деяний Святых Апостолов, в которой описывается избрание Матфея двенадцатым апостолом вместо Иуды: «Матфея «Одиннадцать» выбирали двенадцатого с участием «всей братии — около ста человек»». Также была ссылка на исторические прецеденты в древней церкви, когда епископов избирала епархия[57].

Разработанная Комитетом процедура голосования включала три стадии. Духовенству отводилось 50 процентов голосов. В первом туре голосования все прихожане, мужчины и женщины в возрасте 21 года и старше, выбирают представителей по числу духовенства в приходе. Эти представители вместе со всем духовенством переходят в благочинические собрания, на которых будут избраны два священника, диакон, псаломщик и трое мирян. Московские монастыри также должны были направить своих представителей. Предполагалось, что больше 800 депутатов войдут в состав следующего епархиального съезда, на котором будет избран новый митрополит. «Собор епископов» должен был наблюдать за процедурой избрания и утверждать окончательный результат, но сами епископы не могли принимать участия в голосовании. Каждый этап голосования начинался с молитвы и воспринимался как священный акт. Описание этой процедуры в газете «Московский церковный голос» завершалось фразой: «Общий голос и будет тогда голосом Божиим»[58]. Анонимный автор удивлялся, сколько внимания было уделено каноническому обоснованию выборов: «Каноны церковные — это область, далеко не всем доступная. Мало того — область, и для знакомых с нею не так удобовразумительная и понятная. Древние каноны принадлежат отдаленным векам, — попробуйте применить их в 20 веке»[59]. Работа комитета канонического права, конечно, не имела целью получить народное одобрение. Скорее, она была направлена на то, чтобы заручиться поддержкой Синода, то есть поддерж-

56. По поводу работ организационного комитета по вопросу об избрании будущего митрополита Московского // Московский церковный голос. 1917. № 10 (4 июня). С. 1–4.

57. Избрание первосвятителя церкви Московской // Московский церковный голос. 1917. № 17–18 (5 июля). С. 3.

58. По поводу работ организационного комитета по вопросу об избрании будущего митрополита Московского. С. 3.

59. Там же. С. 1.

кой со стороны епископата. Это удалось: 5 июля Синод утвердил процедуру избрания[60].

Хотя согласие Синода стало важной победой для «Московского союза духовенства и мирян», как называли себя епархиальные лидеры, сами выборы все же представляли угрозу церковному единству. Кандидатами на митрополичью кафедру стали авторитетные архиереи: архиепископ Сергий (Страгородский) из Финляндии (будущий патриарх — 1943–1944); архиепископ Андрей (князь Ухтомский) из Уфы; архиепископ Платон (Рождественский), экзарх Грузии; епископ Иоасаф (Каллистов), временно управляющий Московской епархией; архиепископ Тихон (Беллавин) из Литвы[61]. Сильную поддержку в качестве кандидата имел и председатель Московского епархиального съезда мирянин Александр Дмитриевич Самарин, в 1915 г. короткое время бывший обер-прокурором Св. Синода, пока не был снят с должности по распоряжению Распутина[62]. Сам Самарин был довольно умеренным кандидатом, но среди его сторонников были те, кто открыто выражали свои антиепископские взгляды. За день до выборов один московский священник, о. Иоанн Кедров, произнес речь, в которой напомнил о том, что, когда монашествующая иерархия, находясь во главе церковной администрации, молчаливо терпела влияние Распутина, поднявший протест Самарин был уволен[63]. Будучи вдовцом, Самарин вполне мог быть избран митрополитом без нарушения канонических правил, однако никогда еще в истории Русской православной церкви мирянин не становился епископом.

Новым московским архипастырем стал бы один из тех одиннадцати епархиальных архиереев на всей территории России, которые в 1917 г. были избраны путем голосования. Из этих одиннадцати только двое на момент избрания не являлись епископами, и оба не были одобрены Синодом: инспектор семинарии (избран Екатеринбургским епархиальным съездом) и архимандрит (избран в Рязани в июле)[64]. Если бы влиятельный Московский епар-

60. Для сравнения: в Петрограде все делегаты были избраны в приходах, и в результате число участников епархиального съезда составило примерно 1600 чел. См.: *Савва (Тутунов)*. Епархиальные Реформы. С. 277–279.

61. По поводу работ организационного комитета по вопросу об избрании будущего митрополита Московского. С. 2–4.

62. *Голубцов С.* Московское духовенство. С. 19.

63. Там же. С. 34.

64. *Рогозный П.Г.* Церковная революция. С. 172, 191.

хиальный съезд избрал мирянина, то это, скорее всего, привело бы не просто к кризису, но, возможно, и к расколу в церкви.

Третий Московский епархиальный съезд 1917 года начал свою работу в московском епархиальном доме 19-го июня. Голосование завершилось 20 июня. Два кандидата — архиепископ Тихон и А.Д. Самарин — получили по 297 голосов, далеко обогнав конкурентов[65]. В статье, появившейся в следующим месяце, московский священник Фрязинов так описал сторонников Самарина: «Они ломали те перегородки, которые создала практика прежней церковной жизни и, казалось бы, заслуживали величайшего одобрения со стороны всякого, кто жаждет церковного обновления и при искании его перешагивает кастовые и другие перегородки»[66]. Эта группа стремилась к тем же целям, что и многие участники предыдущего Всероссийского съезда духовенства и мирян: ослабить влияние иерархии, так долго подрывавшее церковь. Многие из сторонников Тихона также преследовали эту цель. Тихон представлялся прогрессивным архиереем, который, по словам Цветкова, «в церковном деле всегда был сторонником предоставления местным общественным силам широкой самодеятельности»[67]. Но при этом они не забывали об осторожности. Боголюбский, один из лидеров группы поддержки Тихона, высказывался в том смысле, что успех Самарина подорвет духовный авторитет православного пастырства: «Кандидатура мирянина может вызвать соблазн среди широких масс простого православного народа, а потому без крайней нужды не следует забывать о прежнем порядке избрания из среды существующего епископата»[68]. В конечном итоге, лидеры радикального московского «Объединенного Духовенства» сделали выбор в пользу церковного единения. Скорее всего, поддержка именно этой группы и определила победу Тихона. 21 июня состоялось еще одно голосование в соборе Христа Спасителя. Тихон был избран с преимуществом: 481 голос за Тихона против 303 голоса за Самарина[69].

65. Избрание первосвятителя церкви Московской. С. 3.

66. *Фрязинов, свящ.* Предсъездные думы // Московский церковные голос. 1917. № 20 (14 июля). С. 3.

67. *Цветков Н., прот.* Собрание объединенного духовенства и мирян // Московский церковный голос. 1917. № 16 (29 июня). С. 2.

68. *Фрязинов, свящ.* Предсъездные думы. 3.

69. Избрание первосвятителя церкви Московской. С. 4.

Для церкви тревожное лето 1917 г. закончилось не расколом, а примирением. Избрание Тихона путем тайного голосования было совершено в богослужебной обстановке. По словом «очевидца», голосование происходило в тишине. После объявления победы Тихона в стенах крупнейшего в России собора — Храма Христа Спасителя слышались восклицания «Слава Богу!». «Акт о совершившемся избрании» был принят собором епископов в алтаре храма.

> Тогда отверзлись царские врата, и архипастыри — в числе 6-ти — в мантиях вышли на солею лицом к народу. Акт снова был прочитан с амвона. Архиепископ Агафангел произнес «ἄξιος» [достоен]. Церковь трижды пропела. Это был завершительный момент «одобрения» избранию — то, что греческая православная древность называла словом «δοκιμασία»[70].

Первые в истории Русской православной церкви народные выборы архиерея прошли в соответствии с древним византийским обрядом, согласно которому иерарха возводят в сан через «избрание и рассмотрение [ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ]»[71]. Православное каноническое право допускает участие церковного сообщества в поставлении носителя апостольской власти. По мнению современного исследователя канонического права Александра Рентеля, основанием здесь является то, что «божественное призвание кого-либо к рукоположению обнаруживается в процессе избрания»[72]. В избрании Тихона — два главных момента: каноничность и демократизация церкви. В данном случае «Объединенное духовенство» и миряне Москвы смогли достичь согласия с иерархами. Пусть и с незначительным отрывом, эти выборы вознесли на московскую кафедру архиерея, чья кандидатура была приемлема и для епископата, и для приходского духовенства, и для мирян. Через два дня после выборов Синод, учитывая сопровождавшиеся ссылками на каноническое право протесты Макария, назначил Тихона архиепископом, пока собор не присвоил ему статус митрополита[73].

70. Там же.

71. Rentel, A. (2011) "A Comparison of the Liturgical Rite of Ordination and the Canonical Act of Deposition", *St. Vladimir's Theological Quarterly* 55(1): 48.

72. Ibid.

73. Указ из синода временно управляющему московской епархией епископу Иоасафу об утверждении архиепископа Тихона на Московской кафедре (23 июня 1917 г.) —

Московская епархиальная революция существенным образом повлияла на Всероссийский церковный собор и его программу реформ. В 1906 г. Предсоборное присутствие вынесло решение о том, что делегаты от приходского духовенства и мирян, одобренные своим епископом, будут на соборе лишь давать советы архиереям. 6 мая 1917 г. регламент собора подвергся изменениям. Цветков, Громогласов и другие организаторы Всероссийского съезда духовенства и мирян были допущены в Предсоборный совет[74]. 5 июля Синод утвердил разработанный им «Статут о Созыве Собора», который усиливал роль приходского духовенства и мирян: теперь их делегаты избирались на епархиальных съездах без утверждения епископом и сами могли голосовать наравне с архиереями. Апостольская власть епископов сохранялась через полномочия Архиерейского совещания, которое имело право наложить вето на общесоборные решения[75].

Верный духу примирения, в котором он сам был избран, Тихон поддерживал атмосферу компромисса после своего избрания председателем собора в августе того же года[76]. Делегаты работали над принятием общего решения относительно реформ в церкви, что подразумевало вовлечение мирян и приходского духовенства в церковное управление в рамках канонического права. Например, епископ Челябинский Серафим считал, что для сохранения канонической власти епископов полномочия приходского духовенства и прихожан внутри епархиальной администрации должны рассматриваться не как ниспосланные свыше, а как человеческое установление[77]. В феврале 1918 г. собор постановил, что теперь все епархиальные архиереи будут избираться приходским духовенством и мирянами епархии из списка кандидатов, представленного Синодом. Каждый архиерей должен управлять своей епархией совместно с избранными представителями духовенства и мирян. Епископ оставался носителем высшей власти в епархии,

Казакевич А.Н. Православная Москва в 1917–1921 годах: сборник документов и материалов. М.: Изд. Главархива Москвы, 2004.

74. *Савва (Тутунов).* Епархиальные реформы. С. 281–283.

75. Destivelle, H. (2015) *The Moscow Council (1917–1918): The Creation of the Conciliar Institutions of the Russian Orthodox Church*, pp. 53–58. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press.

76. Тихон умел разрядить обстановку и снять напряжение среди делегатов. См., например: С Собора // Московский церковный голос. 1917. № 36 (19 октября). С. 2.

77. Kosar, G.T. *Russian Orthodoxy in Crisis and Revolution: The Church Council of 1917-1918*, p. 106.

но ему предписывалось управлять с «соборным» сотрудничеством духовенства и мирян[78]. Однако в 1918 г. эта реформа не могла быть воплощена в жизнь, так как пришедшие к власти большевики уже начали разрушение епархиальной инфраструктуры.

Русская церковная революция была в большой степени организована и возглавлена приходским духовенством, сословием, ответственным за жизнь церковных сообществ при царском режиме. Недовольство приходского духовенства было связано с долгими годами жесткого контроля над его социальными инициативами и с недальновидностью епископата. В предыдущие десятилетия приходское духовенство создало сеть социальной взаимопомощи, главным узлом которой стали епархиальные съезды. Именно они послужили идеальной платформой для начала выступлений против епископата. Но духовенство также понимало, что устойчивое существование этой сети всецело зависит от постоянной и добровольной поддержки со стороны православных мирян, а в условиях революции эта поддержка стремительно сокращалась. Отказ приходского духовенства от контроля над епархиальными институтами — семинариями, фондами социальной поддержки, приходской землей — в пользу прихожан был куда более революционным шагом, чем замена пятнадцати иерархов. Была надежда, что такой радикальный шаг создаст новый демократический союз духовенства и мирян, который мог бы поддержать пастырство и его социальную работу. Эта инициатива не ограничивалась только Москвой. Например, в августе 1917 г. «Тобольские епархиальные ведомости» объявили о создании «Православно-церковного общества единения клира и мирян»: «Это братское объединение членов Православной Церкви должно сформироваться свободно, в соответствии с пожеланиями самих прихожан, как результат их собственного понимания необходимости и полезности такой организации»[79]. Но в ходе революции среди самих реформаторов возникли сомнения, которые особенно проявились на Всероссийском съезде духовенства и мирян и состояли в том, что принижение апостольской власти иерархии подорвет уважение к самой церкви и не даст сложиться союзу духовенства и мирян. Поэтому руководители епархиальных движе-

78. Destivelle, H. *The Moscow Council (1917–1918): The Creation of the Conciliar Institutions of the Russian Orthodox Church*, pp. 95–96.

79. Цит. по: Evtuhov, C. "The Church's Revolutionary Moment: Diocesan Congresses and Grassroots Politics in 1917", p. 386.

ний в Москве и по всей России искали обоснования реформ церковного управления в каноническом праве.

Использование канонического права как общей основы для дискуссии позволило церкви провести реформы и избежать раскола. При царском режиме церкви не хватало независимого арбитра, способного определить, что канонично, а что нет. В начале XX в. каноническое право использовалось для обоснования резко различающихся программ церковной реформы. В хаосе 1917 г. «каноничность» стала символом как церковного освобождения, так и стабильности перед лицом анархии. Однако роль, которую в процессе церковной революции играл обер-прокурор Владимир Львов, продемонстрировала, что светская бюрократия продолжала бы вмешиваться в канонические вопросы до самого завершения церковью реформы своей собственной авторитарной структуры. Самым долгосрочным результатом Всероссийского церковного собора стало закрепление за вновь избранным патриархом Московским и Всея России Тихоном права решения канонических вопросов. Избрание Тихона патриархом укрепило апостольскую власть в церкви. До самой своей смерти в 1925 г. Тихон представлял собой консолидирующую силу в Православной церкви — во времена самых жестоких гонений, когда-либо бывших в христианском мире.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 796 — Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода.

Источники

Московские церковные ведомости.

Московский церковный голос.

Литература

Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Вып. 2. М.: «Инарк», 2008.

Беляев В., Викторов А., Мансуров М. Епархиальные съезды. Сборник действующих законоположений об епархиальных съездах. СПб.: «Берег», 1908.

Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Голубцов С. протодиакон. Московское духовенство в преддверии и начале гонении, 1917–1922. М.: Изд-во Православного братства Споручницы грешных, 1999.

Заозерский Н.А. О церковной власти: Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894.

Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы: Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века. М.: «Наука», 2011.

Казакевич А.Н. Православная Москва в 1917–1921 годах: сборник документов и материалов. М.: Изд. Главархива Москвы, 2004.

Леонтьев П.Я. Революция в церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // Церковь в истории России 2. М., 1998. С. 214–248.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х т. / под ред.: А. Полунов, И. Соловьев. М.: Общество любителей церковной истории, 2004.

Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб.: «Лики России», 2008.

Archival materials

Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv [The Russian State Historical Archive].

F. 796 — Kantseliariia Sviateishego Pravitel'stvuiushchego Sinoda [Office of the Most Holy Governing Synod].

Sources

Moskovskie tserkovnye vedomosti [Moscow Church News].

Moskovskii tserkovnyi golos [Moscow Church Voice].

Literature

Babkin, M.A. (2008) *Rossiiskoe dukhovenstvo i sverzhenie monarkhii v 1917 godu: Materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [The Russian Clergy and the Overthrow of the Monarchy in 1917: Materials and Archival Documents on the History of the Russian Orthodox Church]. Vyp. 2. M.: "Inark".

Basil, J.D. (2005) *Church and State in Late Imperial Russia: Critics of the Synodal System of Church Government (1861–1914)*. Minneapolis: University of Minnesota.

Beliaev, V., Viktorov, A., Mansurov, M. (1908) *Eparkhial'nye s"ezdy. Sbornik deistvuiushchikh zakonopolozhenii ob eparkhial'nykh s"ezdakh* [Diocesan Congresses. A Collection of Legislation on Diocesan Congresses]. SPb.: "Bereg".

Beliakova, E.V., Moshkova, L.V., Oparina, T.A. (2017) *Kormchaia kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniiu* [The Kormchaia Kniga: From Written Tradition to the First Printed Edition]. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Destivelle, H. (2015) *The Moscow Council (1917-1918): The Creation of the Conciliar Institutions of the Russian Orthodox Church*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press.

Evtuhov, C. (2014) "The Church's Revolutionary Moment: Diocesan Congresses and Grassroots Politics in 1917", in M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale (eds.) *Russian Culture in War and Revolution, 1914-1922,* Book 1: *Popular Culture, the Arts, and Institutions*, pp. 377–402. Bloomington, IN: Slavica Publishers.

Freeze, G. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Freeze, G. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press.

Golubtsov, S. protodiakon (1999) *Moskovskoe dukhovenstvo v preddverii i nachale gonenii, 1917–1922* [The Moscow Clergy at the Threshold of Persecution]. M.: Izd-vo Pravoslavnogo bratstva Sporuchnitsy greshnykh.

Hedda, J. (2008) *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Kazakevich, A.N. (2004) *Pravoslavnaia Moskva v 1917–1921 godakh: sbornik dokumentov i materialov* [Orthodox Moscow in 1917–1921: A Collection of Documents and Materials]. M.: Izd. Glavarkhiva Moskvy.

Kenworthy, S. (2004) "Canon Law", in B.F. Adams (ed.) *The Supplement to the Modern Encyclopedia of Russian, Soviet, and Eurasian History,* Vol. 5, pp. 91–96. Gulf Breeze, FL: Academic International Press.

Kosar, G.T. (2003) *Russian Orthodoxy in Crisis and Revolution: The Church Council of 1917–1918*. PhD Diss. Brandeis University.

Leont'ev, P.Ia. (1998) "Revoliutsiia v tserkvi: s"ezdy dukhovenstva i mirian v 1917 godu" [Revolution in the Church: Congresses of Clergy and Laity in 1917], in *Tserkov' v istorii Rossii 2*, ss. 214–248. M.

Polunov, I., Solov'ev, M. (eds) (2004) *Otzyvy eparkhial'nykh arkhiereev po voprosu o tserkovnoi reforme* [Commentary of the Diocesan Bishops on the Question of Church Reform]. V 2-kh t. M.: Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Rentel, A. (2011) "A Comparison of the Liturgical Rite of Ordination and the Canonical Act of Deposition", *St. Vladimir's Theological Quarterly* 55(1).

Rogoznyi, P.G. (2008) *Tserkovnaia revoliutsiia 1917 goda: Vysshee dukhovenstvo Rossiiskoi Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiiakh posle Fevral'skoi revoliutsi*i [Church Revolution in 1917: The Higher Clergy of the Russian Church in the Struggle for Power in the Dioceses after the February Revoltuion]. SPb.: "Liki Rossii".

Savva (Tutunov), igumen (2011) *Eparkhial'nye reformy: Diskussii v Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi nachala XX veka* [Diocesan Reforms: Disscussion in the Orthodox Russian Church in the Early 20th Century]. M.: "Nauka".

Shevzov, V. (2004) *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press.

Zaozerskii, N.A. (1894) *O tserkovnoi vlasti: Osnovopolozheniia, kharakter i sposoby primeneniia tserkovnoi vlasti v razlichnykh formakh ustroistva tserkvi po ucheniiu pravoslavno-kanonicheskago prava* [On Church Power: The Basic Foundation, Character, and Means of Application of Church Power in Various Forms of Church Organization According to the Teachings of Orthodox Canon Law]. Sergiev Posad.